

12+

Виктор Харебов
Сергей Харебов

ОБЕТ ХРАНИТЕЛЯ

Виктор Харебов

**Обет Хранителя. Четвертая
книга цикла «Завещание
Великого Магистра»**

«Издательские решения»

Харебов В.

Обет Хранителя. Четвертая книга цикла «Завещание Великого Магистра» / В. Харебов — «Издательские решения»,

1518 год. В подземельях замка Арманд де Монтерран передаёт сыну Луи архив и книгу «Обет Хранителя». Вместе с наследством возвращаются Искатели. Похищение Изабель де Ларошель заставляет Луи сделать выбор между тайной и жизнью человека. След корабля «Северный ветер» ведет в Геную, где открывается новая загадка. Судьба второй части архива в руках нового Хранителя.

© Харебов В.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Человек с печатью	11
Глава 2. Наследник, который согласился	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Обет Хранителя
Четвертая книга цикла
«Завещание Великого Магистра»

Виктор Харебов
Сергей Харебов

© Виктор Харебов, 2026

© Сергей Харебов, 2026

ISBN 978-5-0071-4555-8 (т. 4)

ISBN 978-5-0071-4462-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

К осени 1382 года Анри де Монтерран уже давно перестал быть тем молодым человеком, который двадцать шесть лет назад вернулся в родовой замок после катастрофического поражения французского войска при Пуатье и неожиданно для самого себя оказался наследником тайны, существовавшей задолго до его рождения. С тех пор многое изменилось как во Франции, так и в самом Монтерране, однако в подземельях замка время словно двигалось значительно медленнее, сохраняя память о людях и событиях, которые для остального мира постепенно становились далеким прошлым.

Стены западного крыла давно восстановили после нападения людей Рауля де Вержи, следы пожара исчезли, а о событиях той ночи теперь помнили лишь немногие старые слуги и стражники. Для молодых обитателей замка рассказы о вооруженных людях, однажды проникших в Монтерран через древний подземный ход, уже начинали походить на семейное предание, в котором с каждым годом становилось все труднее отделить правду от позднейших домыслов.

Однако сам Анри ничего не забыл.

Он помнил последние дни Рено, их разговор о Клятве и собственное обещание сохранить архив. Помнил Рауля де Вержи, исчезнувшего после обрушения старой часовни, и документ, который тот успел вынести из тайной комнаты. За прошедшие двадцать шесть лет Анри неоднократно пытался узнать о дальнейшей судьбе Рауля, но все поиски неизменно заканчивались ничем. Иногда до Монтеррана доходили слухи о человеке, похожем на де Вержи, которого будто бы видели то в Бургундии, то возле Парижа, то на дорогах, ведущих к итальянским землям, однако ни одно из этих сообщений не удалось подтвердить.

Постепенно Анри пришлось смириться с мыслью, что он никогда не узнает правды.

Значительно больше его беспокоила судьба исчезнувшего документа. Анри хорошо понимал, что сам по себе этот лист не раскрывал тайны архива и не содержал сведений, способных привести постороннего человека непосредственно в подземелье Монтеррана. Однако на нем находилась печать, подтверждавшая его связь с документами ордена, а на обороте рукой неизвестного человека было написано название замка. Этого могло оказаться достаточно, чтобы однажды кто-нибудь заинтересовался происхождением старого пергамента и начал задавать вопросы.

За двадцать шесть лет этого не произошло.

Или, по крайней мере, Анри ничего об этом не знал.

В тот осенний вечер он долго находился в своей комнате, ожидая, пока замок погрузится в тишину. Когда во дворе погасли последние огни и шаги стражников стали единственными звуками, нарушавшими ночное спокойствие, Анри надел теплый плащ, взял фонарь и вышел в коридор.

Арманд уже ждал его возле лестницы.

Сыну Анри было около тридцати пяти лет, и внешне он мало напоминал отца в том возрасте, когда тот впервые узнал о существовании архива. В Арманде было значительно меньше той беспокойной порывистости, которая когда-то заставляла молодого Анри спорить со своим дедом Рено и отказываться принимать обязанность, казавшуюся ему бессмысленным наследием давно исчезнувшего ордена. Арманд вырос, зная, что в истории его семьи существует тайна, о которой нельзя говорить с посторонними, хотя до сих пор ему были известны лишь отдельные ее части.

Он знал о событиях 1314 года, о Жаке де Моле и Этьене Гарнье, слышал историю Рено де Монтеррана и понимал, почему часть архива тамплиеров оказалась в Монтерране. Анри постепенно рассказывал ему об этом на протяжении многих лет, однако никогда не позволял сыну самостоятельно войти в тайную комнату и тем более прикоснуться к документам.

Сегодня все должно было измениться.

— Ты уверен, что время пришло? — спросил Арманд, когда отец приблизился.

Анри остановился перед ним и внимательно посмотрел на сына.

— Если бы я был в этом совершенно уверен, я, вероятно, подождал бы еще несколько лет.

Арманд улыбнулся.

— Станный ответ.

— С возрастом начинаешь понимать, что самые важные решения редко принимаются тогда, когда исчезают все сомнения. Обычно приходится решать значительно раньше.

Они начали спускаться по лестнице.

Анри шел впереди, освещая дорогу фонарем, а Арманд следовал за ним. Чем ниже они спускались, тем холоднее становился воздух, пока наконец перед ними не появился узкий коридор старой части подземелья.

Арманд бывал здесь прежде, однако дальше определенного места отец никогда не позволял ему проходить.

На этот раз Анри не остановился.

Они дошли до каменной стены, на которой был высечен старый знак. Анри поднял фонарь и некоторое время смотрел на него, словно вспоминая день, когда сам впервые увидел этот символ.

— Когда-то я обнаружил этот знак случайно, — сказал он. — Мне было известно, что дед что-то скрывает, но я еще не понимал, насколько далеко в прошлое уходит эта тайна.

— Ты рассказывал.

— Я рассказал тебе далеко не все.

Анри коснулся скрытого механизма, и часть каменной стены медленно отступила, открывая проход.

Арманд впервые вошел в тайную комнату.

Он ожидал увидеть нечто значительно более впечатляющее, и Анри, заметив выражение его лица, невольно улыбнулся.

— Разочарован?

— Немного.

— Я тоже был разочарован.

Арманд посмотрел на старые сундуки.

— Ты ожидал золото?

— Конечно. Мне показывают тайное подземелье, которое наша семья скрывает много лет, а вместо сокровищ я нахожу несколько сундуков с бумагами. В молодости подобные открытия редко производят сильное впечатление.

— А теперь?

Анри поставил фонарь на каменный стол.

— Теперь я знаю, что бумага иногда бывает опаснее золота.

Он подошел к одному из сундуков и открыл крышку.

Арманд увидел аккуратно сложенные документы, многие из которых были значительно старше самого замка. На некоторых сохранились печати, другие представляли собой письма, записи и небольшие свитки.

— Это все?

— Только часть.

— Первая часть архива?

Анри кивнул.

— Та, которую удалось спасти и укрыть здесь. Другая часть была вывезена из Франции, и мы до сих пор не знаем, где она находится.

— Ты пытался ее найти?

— Нет.

Ответ прозвучал настолько определенно, что Арманд удивленно посмотрел на отца.

— Почему?

— Потому что Хранитель и Искатель — не одно и то же.

— Но если архив когда-то был разделен, разве не следует попытаться соединить его?

Анри закрыл сундук.

— Возможно. Однако человек, который начнет поиски второй части, неизбежно оставит след. Он будет задавать вопросы, искать старые записи, обращаться к людям, а рано или поздно кто-нибудь заинтересуется причиной его поисков. Иногда лучший способ сохранить тайну состоит в том, чтобы не пытаться узнать о ней больше, чем тебе действительно необходимо.

Арманд задумался над словами отца, но спорить не стал.

Анри подошел к каменному столу, открыл небольшой ларец и достал книгу в потемневшем от времени кожаном переплете.

— Есть еще кое-что, что ты должен увидеть.

Он положил книгу перед сыном.

— Что это?

— «Книга Хранителей Монтеррана».

Арманд осторожно коснулся переплета.

— Я никогда о ней не слышал.

— Потому что до сегодняшней ночи тебе не полагалось знать о ее существовании.

Анри открыл книгу.

Первые страницы были исписаны его собственным почерком, который за прошедшие годы заметно изменился. Арманд сразу обратил внимание на имя, стоявшее в начале первой записи.

Гийом де Монтерран.

Он начал читать, однако через несколько строк остановился.

— Это написал ты?

— После смерти твоего прадеда.

— Здесь рассказывается о нем.

— Именно поэтому книга начинается с его имени. Рено помнил события 1308 года не как историю, услышанную от другого, а как часть собственной жизни. Когда он умер, я понял, что вместе с ним исчезло многое из того, что никогда не было записано.

Анри перевернул несколько страниц.

— Тогда я решил изменить традицию Хранителей. Отныне каждый из нас должен оставлять после себя собственное свидетельство.

Арманд поднял глаза.

— Свидетельство о чем?

— О том, что произошло за время его жизни, о новых угрозах архиву и обо всем, что будущий Хранитель должен знать. Но главное — каждый должен объяснить, почему решил продолжить хранить архив.

Арманд некоторое время молча перелистывал страницы, после чего спросил:

— Ты говорил, что Хранитель должен оставить после себя правду, но разве человек способен написать о себе правду?

Анри улыбнулся, услышав вопрос.

— Полную правду о себе человек, вероятно, не способен написать никогда, потому что слишком многое мы понимаем лишь спустя годы, а кое-чего не понимаем до конца жизни.

— Тогда зачем существует эта книга, если каждый Хранитель все равно оставит в ней только собственную версию прошлого?

Анри некоторое время смотрел на старые страницы, прежде чем ответить:

— Чтобы следующий после нас знал не только о том, что мы сделали, но и о том, почему мы решили это сделать. Факты можно найти в документах, если они сохранились, однако документы редко объясняют человеческий выбор. Мне важно, чтобы человек, который однажды займет мое место, понимал не только обязанности Хранителя, но и сомнения тех, кто нес их прежде.

Арманд снова посмотрел на книгу.

— Значит, однажды я тоже должен буду написать здесь свою историю?

— Если станешь Хранителем.

— Ты все еще сомневаешься, что я им стану?

— Я сомневаюсь в праве любого отца решать подобное за своего сына.

Арманд удивился.

— Но я родился наследником Монтеррана.

— Замок ты действительно унаследуешь независимо от своего желания. Вместе с ним получишь земли, обязанности перед людьми и имя нашего рода, однако Хранителем нельзя стать только по праву рождения.

— Тогда как им становятся?

Анри посмотрел на сына и ответил:

— Делая выбор.

Некоторое время оба молчали.

Арманд снова перелистнул несколько страниц и остановился на одной из последних записей.

— Ты действительно веришь, что этот архив когда-нибудь понадобится?

Анри не ответил сразу.

— Я не знаю, понадобится ли он через год, через сто лет или не понадобится никогда. Хранитель не обязан знать будущее, потому что подобное знание человеку не дано. Его обязанность состоит в другом: он не должен лишать будущее возможности однажды узнать прошлое.

— Даже если ради этого придется хранить документы вечно?

— Если понадобится.

— И подвергать опасности Монтерран?

Анри посмотрел на сына внимательнее.

— Именно поэтому я не требую от тебя обещания сегодня. Пока обязанность кажется тебе простой, ты еще не понимаешь ее цены.

Арманд хотел возразить, однако отец поднял руку, показывая, что разговор еще не закончен.

Анри перевернул несколько страниц и указал на запись, сделанную много лет назад.

— Прочитай это.

Арманд наклонился к книге.

Запись рассказывала о Рауле де Вержи и документе, исчезнувшем после событий возле разрушенной часовни.

— Ты так и не узнал, что с ним произошло? — спросил Арманд.

— Нет. Я не знаю даже, погиб ли сам Рауль. Возможно, он умер в тот день, а возможно, прожил еще много лет. Но значительно важнее другое: документ, который он нашел в этой комнате, исчез вместе с ним.

— Что было в этом документе?

— Почти ничего ценного. Обычная хозяйственная запись ордена.

— Тогда почему ты до сих пор беспокоишься?

— Потому что на ней находилась печать.

Анри закрыл книгу и положил ладонь на потемневший кожаный переплет.

— Человеку, который ничего не знает, этот документ покажется бесполезным. Но если он начнет задавать правильные вопросы, однажды может узнать значительно больше.

— И найти Монтерран?

— Возможно.

Арманд посмотрел на сундуки.

— За двадцать шесть лет никто не пришел.

— Это ничего не означает. Иногда тайна может ждать значительно дольше человеческой жизни.

Анри взял книгу и передал ее сыну.

— Запомни главное правило. Ты можешь читать ее здесь столько, сколько захочешь. Можешь возвращаться к ней снова и снова, если однажды станешь Хранителем. Но эта книга никогда и ни при каких обстоятельствах не должна покидать подземелье.

— Почему именно книга? Архив ведь тоже можно украсть.

— Архив рассказывает о прошлом ордена, а эта книга рассказывает о нас. Если она попадет в чужие руки, человеку уже не придется искать связь между отдельными документами, потому что мы сами объяснили ее на этих страницах.

Арманд осторожно положил книгу обратно на стол.

— Значит, она опаснее всего архива?

— В некотором смысле именно так. Архив содержит тайны людей, умерших много десятилетий назад, тогда как эта книга содержит тайну Монтеррана.

Перед уходом Анри еще раз открыл последнюю часть своей записи и указал на строку, посвященную исчезнувшему документу Рауля де Вержи.

— Я хочу, чтобы ты запомнил эти слова, даже если никогда больше не увидишь этой страницы. Пока тот документ существует где-то за пределами Монтеррана, мы должны считать, что дорогу сюда однажды могут найти снова.

Арманд внимательно посмотрел на отца.

— А если это произойдет?

Анри закрыл книгу и вернул ее в ларец.

— Тогда Хранителю придется решить, что именно он готов сделать ради сохранения тайны. И я надеюсь, что, когда этот день наступит, человек, которому выпадет принимать решение, будет мудрее меня.

Они погасили свечи и покинули тайную комнату. Каменная дверь закрылась за ними, снова скрыв сундуки и «Книгу Хранителей Монтеррана» от остального мира.

Ни Анри, ни Арманд не знали, что предостережение, записанное много лет назад, уже перестало быть лишь опасением старого Хранителя.

Далеко от Монтеррана исчезнувший документ Рауля де Вержи снова оказался в человеческих руках, и человек, впервые за много лет внимательно рассмотревший необычную печать на старом пергаменте, уже начал задавать вопросы о единственном слове, написанном на его обороте.

Этим словом было имя их замка.

Глава 1. Человек с печатью

Осенью 1382 года Париж жил в тревожном ожидании перемен, хотя мало кто из его жителей мог с уверенностью сказать, откуда именно следовало ждать новой беды. После смерти короля Карла V прошло всего два года, и власть его юного наследника еще не успела обрести той устойчивости, которой от нее ожидали подданные. При дворе продолжалась борьба за влияние, новые налоги вызывали все большее недовольство, а по улицам распространялись слухи о волнениях, способных в любой момент нарушить привычную жизнь города. Впрочем, для большинства парижан большая политика оставалась чем-то далеким до тех пор, пока непосредственно не вмешивалась в их повседневные дела, поэтому торговцы по-прежнему открывали лавки, ремесленники работали в мастерских, а переписчики, менялы и продавцы старых книг продолжали искать покупателей среди тех, кто был готов платить за редкие рукописи, старинные документы и вещи, происхождение которых иногда оказывалось значительно интереснее их содержания.

На одной из узких улиц неподалеку от церкви Сен-Северен находилась небольшая лавка Жана Леклера, который за долгие годы приобрел среди собирателей старинных рукописей сомнительную, но довольно устойчивую известность. Ученым он себя никогда не считал и едва ли смог бы объяснить содержание половины книг, проходивших через его руки, однако обладал редким умением находить покупателей для вещей, которые другим казались совершенно бесполезными. В его лавке можно было встретить богословские трактаты, старые хроники, обрывки монастырских записей, письма давно умерших людей, карты неизвестного происхождения и пергаменты, которые приобретали не столько ради содержащегося в них текста, сколько из-за сохранившихся на них печатей и подписей.

В один из дождливых октябрьских дней к Леклеру пришел человек, которого торговец прежде никогда не видел. Посетитель был одет небогато, говорил мало и держал под плащом старую кожаную сумку, настолько потертую и испарпанную, что сама по себе она едва ли могла представлять какую-нибудь ценность. Подойдя к прилавку, незнакомец положил сумку перед хозяином лавки и объяснил, что ему посоветовали обратиться сюда, поскольку Леклер иногда покупает старые бумаги.

— Покупаю, если они действительно старые и если среди них находится что-нибудь, за что другой человек согласится заплатить больше, чем заплатил я, — ответил торговец, внимательно посмотрев сначала на посетителя, а затем на принесенную им сумку. — Однако прежде мне хотелось бы знать, откуда у вас эти бумаги.

Незнакомец пожал плечами и объяснил, что они много лет лежали в доме его отца, которому, вероятно, достались от деда, хотя о более раннем происхождении сумки в семье никто уже ничего не помнил.

— Если вы ничего о них не знаете, почему решили, что они могут чего-нибудь стоить? — спросил Леклер.

— Только потому, что мой отец их не выбросил, хотя он редко хранил вещи, которые считал совершенно бесполезными.

— Люди постоянно хранят ненужные вещи только потому, что до них эти вещи хранили их отцы и деды, поэтому я бы не стал считать это доказательством их ценности.

— В таком случае, возможно, вы купите их ради следующего человека, который поступит точно так же.

Ответ развеселил Леклера, и после непродолжительного торга старая сумка вместе со всем ее содержимым перешла к нему за сумму значительно меньшую той, на которую первоначально рассчитывал продавец, но все же достаточную, чтобы тот покинул лавку довольным.

До вечера Леклер почти не вспоминал о покупке и только после того, как закрыл лавку и остался один, решил внимательно осмотреть приобретенные бумаги. Большинство из них оказалось именно таким, каким он и ожидал их увидеть: несколько старых долговых расписок, письма без подписей, выцветшие записи о расходах и небольшой фрагмент карты, по которому невозможно было определить ни изображенное место, ни направление дороги.

Торговец уже собирался сложить все обратно, когда заметил среди бумаг небольшой лист пергамента, сложенный вчетверо и спрятанный в узком внутреннем отделении сумки. Развернув его и поднеся ближе к свече, Леклер прочитал несколько строк, однако содержание документа не показалось ему особенно интересным. Речь шла о передаче припасов и зерна одному из владений ордена Храма, причем запись была составлена задолго до его рождения. Подобные хозяйственные документы иногда попадали к нему вместе с бумагами закрытых монастырей или разоренных командорств, поэтому сам текст едва ли мог заинтересовать состоятельного покупателя.

Однако печать, сохранившаяся в нижней части пергамента, заставила его задержать взгляд.

Она была повреждена временем, но все еще оставалась достаточно отчетливой, чтобы Леклер понял, что перед ним не обычная хозяйственная отметка. Знак напоминал те, которые ему доводилось видеть на нескольких документах, связанных с орденом тамплиеров, хотя точного соответствия он вспомнить не смог. Перевернув пергамент, торговец обнаружил на обороте слово, написанное другими чернилами и, судя по характеру письма, значительно позднее основного текста.

Это было слово «Монтерран».

Леклер несколько раз перечитал его, пытаясь вспомнить, встречалось ли ему такое название прежде, однако память не подсказала ничего полезного. Монтерран мог оказаться именем человека, названием поместья, деревни или давно исчезнувшего владения, поэтому само по себе это слово ничего не объясняло. Тем не менее необычная печать показалась торговцу достаточно интересной, чтобы не складывать пергамент вместе с остальными бумагами, и он решил показать его кому-нибудь из постоянных покупателей, разбиравшихся в старинных документах лучше него.

Через два дня Леклер передал находку одному из таких людей, который интересовался древними печатями и иногда приобретал старые пергаменты исключительно ради сохранившихся на них знаков. Тот долго рассматривал документ при свете окна, несколько раз перевернул его и наконец признался, что не может определить точное происхождение печати.

— Она принадлежала тамплиерам? — спросил Леклер.

— Возможно, хотя утверждать это наверняка я бы не стал, поскольку после уничтожения ордена появилось немало поддельных документов. Одни создавали ради денег, другие использовали в земельных спорах, а некоторые служили доказательством прав, которых их владельцы никогда не имели.

— Но сам пергамент выглядит старым.

— Старый пергамент еще не делает старым написанный на нем текст, хотя в данном случае меня больше интересует печать. Если она подлинная, этот документ может оказаться значительно любопытнее, чем кажется на первый взгляд.

— И насколько же он может быть ценным?

— Это зависит не от самого документа, а от человека, которому он понадобится.

Через неделю в лавке впервые прозвучало имя Готье де Марсена. Его упомянул давний знакомый Леклера, который иногда выступал посредником при продаже редких документов состоятельным покупателям и сообщил, что де Марсен интересуется бумагами, связанными с земельными владениями бывшего ордена Храма. По его словам, за подлинные документы Готье был готов платить значительно больше обычных коллекционеров.

Леклер не стал спрашивать, зачем королевскому чиновнику понадобились старые бумаги тамплиеров. За годы торговли рукописями он усвоил, что продавцу иногда выгоднее не знать о намерениях покупателя, особенно если тот готов хорошо заплатить за вещь, которую прежний владелец считал бесполезной.

Готье де Марсен появился в лавке через три дня. Это был мужчина лет сорока пяти, высокий и худощавый, с внимательным взглядом и спокойной манерой держаться, заставлявшей собеседника невольно следить за собственными словами. Его одежда была сшита из хорошей ткани, но лишена показной роскоши, а единственным заметным украшением оставался перстень с гербом, значение которого Леклер определить не сумел.

После короткого приветствия Готье объяснил, что слышал о появившемся у торговца старом документе, предположительно связанном с орденом Храма, и хотел бы его увидеть.

— Мне действительно попался такой пергамент, хотя подтвердить его подлинность я не могу, — ответил Леклер.

— Полагаю, если бы вы могли ее подтвердить, то запросили бы значительно большую цену.

— Разумеется, поскольку сомнения покупателя всегда обходятся продавцу слишком дорого.

— Тогда, возможно, вам будет выгоднее оставить эти сомнения мне и позволить самому решить, чего стоит ваша находка.

Леклер достал пергамент и передал его Готье, который начал внимательно читать текст. Поначалу выражение его лица почти не изменилось, поскольку содержание действительно представляло собой обычную хозяйственную запись и не содержало ничего, что могло бы заинтересовать королевского чиновника. Однако, увидев печать, де Марсен задержал на ней взгляд значительно дольше, чем следовало бы человеку, впервые столкнувшемуся с подобным знаком.

Леклер сразу это заметил.

— Вам знакома эта печать?

— Я не могу сказать, что знаю ее точное значение, однако мне уже приходилось видеть похожие знаки на документах, связанных с орденом Храма.

— Значит, пергамент все-таки подлинный?

— Я сказал лишь то, что печать заслуживает внимания, а между этим и доказательством подлинности существует значительная разница.

Готье перевернул документ и увидел написанное на обороте слово. Несколько мгновений он молча смотрел на него, после чего спросил, откуда пергамент попал в лавку.

Леклер сразу понял, что интерес покупателя изменился и теперь де Марсена занимало уже не только содержание документа, но и его происхождение.

— Несколько дней назад его принес человек, которого я прежде никогда не видел.

— Вы знаете его имя?

— Нет.

— И все же купили у него старые документы?

— Я занимаюсь торговлей бумагами, господин де Марсен, и если начну требовать от каждого посетителя доказательства происхождения каждой страницы, которую он приносит, мне очень скоро придется закрыть лавку.

— В таком случае хотя бы опишите этого человека и расскажите все, что он сообщил.

Леклер сделал это настолько подробно, насколько счел необходимым, хотя намеренно опустил несколько незначительных деталей. Он хорошо понимал, что Готье интересуется путем, которым старый пергамент попал в Париж, и поэтому особенно подробно рассказал о кожаной сумке, принадлежавшей семье продавца на протяжении нескольких поколений.

— Эта сумка все еще у вас? — спросил Готье.

— Разумеется, хотя до вашего прихода я не предполагал, что она способна кого-нибудь заинтересовать.

Леклер достал сумку, и де Марсен осмотрел ее значительно внимательнее, чем можно было ожидать. Он проверил внутренние отделения, швы и остатки металлической застежки, после чего спросил, готов ли торговец продать все содержимое вместе с самой сумкой.

— Если вы предложите подходящую цену, я готов продать вам даже стол, на котором она лежит, — ответил Леклер.

— Стол можете оставить себе, а вот сумку и бумаги я заберу.

На этот раз торговались значительно дольше, поскольку Леклер уже понимал, что случайная покупка оказалась гораздо ценнее, чем он предполагал. Когда Готье наконец покинул лавку, унося с собой сумку и находившиеся в ней документы, торговец некоторое время стоял возле двери, размышляя о том, что именно только что продал. В конце концов он решил, что ответ на этот вопрос может принести ему значительно больше неприятностей, чем пользы, и предпочел вернуться к своим обычным делам.

Готье де Марсен, напротив, собирался узнать происхождение документа до мельчайших подробностей.

В тот же вечер он разложил приобретенные бумаги на столе в своем доме и снова внимательно изучил печать. Точного значения знака он не знал, однако несколько лет назад видел похожее изображение на копии документа, хранившегося в одном из королевских собраний. Тот документ относился к последним годам существования ордена Храма и был составлен незадолго до массовых арестов тамплиеров, поэтому сходство двух печатей могло иметь определенное значение.

Впрочем, Готье понимал, что одного сходства недостаточно для каких-либо выводов, тогда как слово «Монтерран», написанное на обороте неизвестной рукой, требовало объяснения.

На следующий день он отправил своего помощника Пьера Ломона к одному из королевских писцов, имевшему доступ к старым земельным спискам, и поручил выяснить происхождение этого названия.

— Вы считаете, что это фамилия? — спросил Пьер, прочитав переписанное на отдельном листе слово.

— Возможно, хотя с таким же успехом это может оказаться названием земли, замка или монастырского владения.

— В таком случае поиски могут занять немало времени.

— Начни с дворянских владений, а если ничего не найдешь, проверь монастырские земли и бывшие владения ордена Храма. Меня интересует любое упоминание этого названия, каким бы незначительным оно тебе ни показалось.

Через четыре дня Пьер вернулся с известием, что Монтерран существует и является старым владением на юге Франции, принадлежащим дворянскому роду, носящему то же имя. Род не относился к числу особенно влиятельных, однако считался достаточно древним, а нынешним хозяином замка был Анри де Монтерран, у которого имелся взрослый сын Арманд.

— Что еще тебе удалось узнать? — спросил Готье.

— Почти ничего, что могло бы объяснить ваш интерес. Монтерраны редко появляются при дворе, не занимают значительных должностей, а их владения уже несколько поколений переходят внутри семьи без серьезных споров о наследовании.

— Именно это мне и не нравится.

Пьер удивленно посмотрел на него.

— Почему отсутствие семейных споров должно вас беспокоить?

— Меня беспокоит не это, а то, что мы ничего не знаем о причине, по которой название их замка оказалось на обороте документа, связанного с тамплиерами. Если между ними нет

никакой связи, кто-то все равно должен был написать это слово, а люди редко делают подобные пометки без причины.

В течение следующих недель поиски продолжались, причем Готье действовал осторожно и старался не привлекать внимания к самому Монтеррану. Прежде всего он хотел установить происхождение старой кожаной сумки и найти людей, которым она принадлежала прежде. Человека, продавшего ее Леклеру, удалось разыскать довольно быстро, однако дальше след почти сразу потерялся. Продавец действительно получил сумку от своего отца, тот унаследовал ее от своего, а о более раннем происхождении вещи никто в семье уже ничего не помнил.

Готье начал сомневаться, что сможет продвинуться дальше, когда среди малозначительных записей, находившихся в сумке, обнаружил имя, на которое прежде не обратил внимания. Оно было написано на небольшом клочке пергамента рядом с несколькими названиями мест, большую часть которых уже невозможно было разобрать.

Имя принадлежало Раулю де Вержи.

На этот раз Готье обратился к старым архивам уже с конкретной целью, однако поиски заняли почти месяц. Рауль де Вержи не был человеком, оставившим заметный след в официальных хрониках, но несколько разрозненных упоминаний все же удалось обнаружить. Из них следовало, что он происходил из небогатого дворянского рода, участвовал в военных походах, а после поражения французской армии при Пуатье некоторое время находился на юге страны.

Эти сведения сами по себе ничего не доказывали, однако вскоре Готье обнаружил запись, заставившую его совершенно иначе взглянуть на найденный пергамент.

Она находилась среди старых донесений местного королевского чиновника и относилась к 1356 году. В коротком сообщении упоминался вооруженный отряд под командованием Рауля де Вержи, замеченный на дорогах неподалеку от владений Монтерранов. Никаких подробностей о целях его появления там не содержалось, однако для Готье одного названия оказалось достаточно.

Теперь перед ним находились три обстоятельства, которые уже трудно было считать простым совпадением. Старый документ имел отношение к ордену Храма, на его обороте находилось слово «Монтерран», а человек, которому, вероятно, принадлежала кожаная сумка, действительно появился возле владений Монтерранов двадцать шесть лет назад.

Готье позвал Пьера и показал ему найденную запись.

— Рауль де Вержи находился возле Монтеррана в 1356 году, то есть именно в тех местах, название которых кто-то написал на обороте пергамента, оказавшегося среди его вещей.

Пьер внимательно прочитал запись, а затем вернул ее хозяину.

— Из этого еще не следует, что он искал именно Монтерран, поскольку после Пуатье тысячи вооруженных людей бродили по дорогам Франции, и де Вержи вполне мог оказаться там случайно.

— Ты прав, и именно поэтому я пока не собираюсь делать окончательных выводов. Однако случайностей становится слишком много, чтобы продолжать их игнорировать.

— Значит, вы считаете, что этот документ когда-то принадлежал Монтерранам?

— Я пока ничего не считаю, потому что у нас слишком мало сведений. Мне важнее понять, почему Рауль де Вержи хранил этот пергамент и кто написал название замка на его обороте.

Готье подошел к окну и некоторое время смотрел на улицу, постепенно погружавшуюся в вечернюю темноту. Он уже собирался отпустить помощника, когда заметил, что тот не уходит и, судя по выражению лица, хочет сообщить что-то еще.

— Ты нашел другие сведения?

— Есть одна запись, хотя я не уверен, что она имеет отношение к нашим поискам. Мне удалось обнаружить более раннее упоминание фамилии де Вержи, но речь там идет не о Рауле, а о человеке, который, возможно, принадлежал к его семье.

— Насколько ранняя эта запись?

— Она относится к началу века и сохранилась очень плохо. В ней говорится о человеке, интересовавшемся имуществом распущенного ордена Храма вскоре после арестов тамплиеров. Имя почти невозможно прочитать, однако фамилия, насколько я могу судить, действительно де Вержи.

Готье нахмурился, поскольку, если найденная запись была подлинной, история начиналась значительно раньше появления Рауля возле Монтеррана в 1356 году. Теперь становилось возможным предположить, что сам Рауль не случайно заинтересовался этими местами и, возможно, продолжал поиски, начатые другим человеком задолго до него.

— Ты уверен, что правильно прочитал фамилию? — спросил Готье.

— Полной уверенности у меня нет, но я несколько раз сверял написание с другими документами. Если это не де Вержи, то сходство почти невероятное.

— Тогда принеси мне копию всей записи и постарайся выяснить, кем был этот человек. Меня интересует все, что удастся найти о его связях с бывшим орденом Храма, даже если на первый взгляд сведения покажутся незначительными.

Пьер кивнул, однако прежде чем уйти, спросил:

— Если этот человек действительно был родственником Рауля, получается, что де Вержи мог продолжать поиски, начатые еще после уничтожения ордена?

— Именно это нам и предстоит выяснить. Если предположение верно, то старый пергамент оказался в его руках не случайно, а Монтерран был для него не просто названием места, через которое он однажды проезжал.

После ухода помощника Готье долго сидел за столом, разложив перед собой найденные свидетельства. Между ними лежали десятилетия, и каждое по отдельности почти ничего не доказывало, однако вместе они постепенно складывались в последовательную цепь. Кто-то интересовался наследием уничтоженного ордена вскоре после разгрома тамплиеров, много лет спустя Рауль де Вержи оказался возле Монтеррана, а затем среди вещей, которые могли принадлежать ему, сохранился старый документ с печатью и названием этого же замка.

Готье еще не мог знать, что на протяжении почти семидесяти лет существовала другая цепь, начало которой было положено в последние дни ордена Храма и которую продолжили Жоффруа, Рено и Анри де Монтерраны, а теперь должен был принять Арманд де Монтерран. Ему ничего не было известно о Клятве Хранителей, тайной комнате под замком и книге, которую запрещалось выносить из подземелья. Не знал он и о письме Этьена Гарнье, где упоминались вторая часть архива и последний корабль, покинувший Францию много десятилетий назад.

Однако теперь Готье находился значительно ближе к разгадке, чем любой посторонний человек после исчезновения Рауля де Вержи.

Через несколько дней он распорядился готовиться к отъезду, хотя Пьер заметил, что среди приготовлений не было ничего, что указывало бы на намерение немедленно отправиться на юг. Наблюдая за тем, как слуги укладывают дорожные сундуки, помощник наконец спросил, собираются ли они ехать в Монтерран.

— Не сразу, потому что прежде нам придется посетить еще несколько мест и проверить то, что удалось узнать о Рауле де Вержи, — ответил Готье. — Я не хочу появляться возле этого замка, пока не буду понимать, зачем туда отправился человек, исчезнувший вскоре после своего появления в тех краях.

— Но если вы уже знаете, где находится Монтерран, почему бы не спросить обо всем у его владельца?

— Потому что прямой вопрос имеет смысл только тогда, когда ты способен понять, правду ли тебе ответили. Если мы приедем туда сейчас и спросим Анри де Монтеррана, почему

название его замка написано на старом документе тамплиеров, он может сказать, что видит этот пергамент впервые, и у нас не будет никаких оснований утверждать обратное.

Пьер задумался, после чего спросил:

— Значит, вы хотите узнать больше, чем знают Монтерраны о ваших поисках?

— Я хочу знать достаточно, чтобы задавать вопросы, ответы на которые мне уже хотя бы частично известны. Только тогда можно понять, что человек пытается скрыть.

Готье подошел к столу, где лежал старый пергамент, осторожно сложил его и убрал в небольшой дорожный ларец.

— Если Рауль де Вержи действительно потратил годы на поиски этого места и в конце концов оказался возле Монтеррана, значит, его интересовал не сам замок.

— В таком случае что же он там искал?

Готье закрыл ларец на ключ и некоторое время смотрел на него, словно надеялся найти ответ в старой печати, которая почти семьдесят лет хранила тайну своего происхождения.

— Именно это я намерен узнать.

Глава 2. Наследник, который согласился

После той ночи, когда Анри впервые привел сына в тайное подземелье и позволил ему увидеть «Книгу Хранителей Монтеррана», внешне жизнь замка почти не изменилась. По утрам во дворе по-прежнему раздавались голоса слуг и удары молота из кузницы, управляющий приходил к хозяину с отчетами о сборе урожая и подготовке запасов к приближавшей зиме, а Арманд занимался повседневными делами владения, постепенно принимая на себя все больше обязанностей, которые прежде лежали на его отце. Для обитателей Монтеррана дни шли своим обычным чередом, и никто из них не подозревал, что глубоко под старой частью замка произошло событие, которое Анри считал одним из самых важных за последние годы.

Для самого Арманд посещение подземелья тоже стало значительным событием, хотя он воспринимал его совсем не так, как ожидал отец. До сих пор семейная тайна существовала для него в виде рассказов, услышанных от Анри, осторожных намеков и отдельных историй о прошлом, которые открывались ему постепенно, словно отец опасался, что слишком раннее знание способно оказаться не менее опасным, чем полное неведение. Теперь Арманд собственными глазами увидел сундуки с документами, прикоснулся к «Книге Хранителей» и окончательно понял, что все услышанное им с детства было не старинным семейным преданием, а частью действительности, скрытой всего несколькими каменными стенами от привычной жизни замка.

Однако это открытие не испугало его и не заставило усомниться в собственном будущем. В отличие от Анри, который в молодости узнал о предназначении своей семьи неожиданно и сначала воспринял обязанность Хранителя как навязанное ему бремя, Арманд вырос с пониманием того, что Монтерран отличается от других дворянских владений. Он не знал всех подробностей, однако всегда чувствовал существование тайны, связывавшей его семью с далеким прошлым и неизбежно ожидавшей того дня, когда ответственность за ее сохранение перейдет к следующему поколению.

Поэтому после посещения подземелья многое из того, что прежде казалось Арманд непонятным, наконец обрело смысл. Теперь он знал причину осторожности Анри, понимал, почему некоторые помещения старой части замка всегда оставались закрытыми и отчего отец с детства приучал его никогда не обсуждать с посторонними события, связанные с прошлым рода. В представлении Арманд все это складывалось в естественную последовательность: когда-нибудь Анри не станет, и тогда сын унаследует замок, земли, ответственность за живущих здесь людей и имя Монтерранов, а вместе с этим примет на себя обязанность хранить доверенный семье архив.

Именно такая естественность, с которой Арманд воспринимал свое будущее, постепенно начала тревожить Анри.

В течение нескольких дней после их первого посещения подземелья он внимательно наблюдал за сыном, ожидая вопросов, сомнений или хотя бы желания вернуться к разговору о том, что тот увидел в тайной комнате. Однако Арманд вел себя так, словно произошедшее лишь подтвердило то, к чему он давно был внутренне готов. Он занимался обычными делами, обсуждал с управляющим подготовку к зиме, проверял состояние укреплений и однажды предложил отцу распорядиться о ремонте старой башни, где после затяжных дождей начала протекать крыша.

Сначала Анри решил, что сыну просто требуется время, чтобы осмыслить увиденное, однако вскоре понял, что причина его спокойствия была совсем иной. Арманд действительно не считал открывшуюся ему тайну неожиданным бременем, способным изменить его жизнь, поскольку воспринимал обязанность Хранителя как продолжение той ответственности, к которой его готовили с детства.

Однажды вечером они сидели вдвоем в небольшой комнате возле большого зала, где Анри обычно занимался делами владения. На столе лежали счета, несколько писем и карта земель Монтеррана, которую Арманд принес для обсуждения давнего спора с владельцем соседнего поместья. Разговор уже подходил к концу, когда Арманд, некоторое время наблюдавший за тем, как отец складывает бумаги, спросил, когда тот собирается передать ему ключ от тайной комнаты.

Анри не ответил сразу и, отложив документы, внимательно посмотрел на сына.

— Почему ты решил, что я собираюсь передать его тебе сейчас?

— Потому что несколько дней назад ты впервые привел меня в подземелье, показал архив и позволил прочитать «Книгу Хранителей». Мне казалось, что именно к этому разговору ты готовил меня все последние годы.

— Я действительно готовил тебя к нему, однако между знанием о существовании архива и обязанностью отвечать за его судьбу существует значительная разница.

Арманд не скрывал удивления, поскольку ожидал совсем иного ответа.

— Ты много лет говорил, что однажды мне придется узнать правду о нашей семье, и теперь, когда я наконец ее узнал, мне трудно понять, чего еще мы должны ждать.

— Именно твоя уверенность в том, что ты уже все понял, беспокоит меня больше всего.

— Разве я сказал, что знаю все?

— Нет, но ты говоришь о ключе так, словно его передача является естественным завершением нашего разговора в подземелье.

Арманд некоторое время молчал, стараясь понять, что именно хочет услышать отец, однако чем дольше продолжался разговор, тем сильнее ему казалось, что Анри намеренно ищет причины отложить решение, к которому сам готовил сына.

— Ты сам хотел, чтобы я стал Хранителем, — наконец сказал он.

— Хотел и хочу до сих пор.

— Тогда почему теперь отказываешься передать мне ключ?

Анри выдержал его взгляд и спокойно ответил:

— Потому что ты согласился слишком быстро, а я боюсь, что ты еще не успел понять цену обещания, которое готов произнести.

Арманд нахмурился, поскольку подобное объяснение показалось ему несправедливым.

— Что же, по-твоему, я должен был сделать? Отказаться только ради того, чтобы доказать тебе серьезность своих намерений, а потом через некоторое время изменить решение и попросить тебя снова предложить мне стать Хранителем?

— Я не требую от тебя притворного отказа и тем более не хочу, чтобы ты повторял мой путь только потому, что когда-то именно так поступил я. Мне важно другое: прежде чем принять Клятву, человек должен по-настоящему допустить возможность отказаться от нее, иначе его согласие ничего не означает.

— Я не понимаю, почему обязан отказываться от того, что считаю своим долгом.

— Потому что архив не является частью твоего наследства в том же смысле, что замок или земли.

Арманд поднялся из-за стола и подошел к окну, за которым постепенно сгущались осенние сумерки.

— С детства ты учил меня отвечать за людей, живущих на наших землях, объяснял, что имя Монтерранов налагает обязанности и что однажды мне придется продолжить дело предков. Теперь выясняется, что существует еще одна ответственность, которую наш род несет почти семьдесят лет, и я готов ее принять, однако именно это почему-то кажется тебе доказательством моей незрелости.

Анри тоже поднялся и медленно подошел к сыну.

— Ты ошибаешься, если думаешь, что я сомневаюсь в твоей зрелости. Я сомневаюсь только в том, что ты видишь разницу между наследованием и добровольно принятым обетом. Замок перейдет к тебе потому, что ты мой сын, и вместе с ним ты получишь земли, обязанности перед людьми и имя нашего рода, однако архив не принадлежит Монтерранам и никогда им не принадлежал.

— Если он находится под нашим замком почти семьдесят лет и несколько поколений нашей семьи посвятили себя его защите, кому же тогда он принадлежит?

— Я не знаю и не уверен, что кто-нибудь вообще имеет право считать его своей собственностью. Возможно, эти документы принадлежат истории, а возможно, людям, которые однажды смогут понять их значение лучше нас. Мы получили их не для того, чтобы распоряжаться ими по собственному усмотрению, а только для того, чтобы сохранить до времени, о котором ничего не знаем.

— Но именно ты решаешь, кому позволено войти в подземелье и прикоснуться к этим документам.

— Потому что я отвечаю за их сохранность, а не потому, что считаю их своими.

Арманд некоторое время молчал, после чего спросил значительно спокойнее:

— Значит, ты мне не доверяешь?

Анри сразу почувствовал, насколько сильно его слова задела сына, и понял, что разговор принимает совсем не то направление, которого он хотел.

— Я доверяю тебе больше, чем кому-либо другому, и именно поэтому привел тебя в подземелье. Однако доверять человеку и быть уверенным в том, что он готов связать с этой обязанностью всю оставшуюся жизнь, — не одно и то же.

— Тогда объясни, что еще я должен сделать, потому что пока твои слова противоречат друг другу. Ты хочешь, чтобы я стал Хранителем, но отказываешься передать мне ключ; ты говоришь, что доверяешь мне, но считаешь мое согласие недостаточно осознанным; ты готовил меня к этому с детства, а теперь удивляешься, что я не пытаюсь отказаться.

Анри вернулся к столу и некоторое время молча смотрел на разложенную карту, вспоминая собственный разговор с Рено, состоявшийся много лет назад в этих же стенах.

— Когда твой прадед впервые привел меня в подземелье, я увидел те же сундуки, которые несколько дней назад увидел ты. Он рассказал мне о последних днях ордена Храма, о Жаке де Моле, Этьене Гарнье и событиях 1314 года, после чего предложил стать следующим Хранителем. Я отказался, потому что не понимал, почему должен рисковать собственной жизнью и будущим семьи ради документов людей, умерших задолго до моего рождения.

— Я знаю, что произошло потом, и понимаю, почему ты изменил решение.

— Ты знаешь события, но не можешь знать, что происходило тогда со мной. Я принял Клятву не потому, что Рено убедил меня красивыми словами о долге, и не потому, что родился Монтерраном. Мне пришлось самому увидеть, какую опасность представляет архив в руках людей, готовых использовать его ради собственной выгоды, и только тогда я понял, почему его необходимо сохранить.

Арманд повернулся к отцу.

— Значит, по-твоему, я тоже должен пережить нападение на замок, потерять близкого человека или оказаться перед угрозой смерти, чтобы заслужить право стать Хранителем?

— Я надеюсь, что тебе никогда не придется переживать ничего подобного, однако именно поэтому мне трудно понять, осознаешь ли ты, что однажды Клятва может потребовать от тебя значительно большего, чем хранение ключа и несколько ночных посещений подземелья.

— Но ты не можешь требовать от меня опыта, которого, как сам говоришь, надеешься мне избежать.

Анри посмотрел на сына и вынужден был признать справедливость этих слов.

— Возможно, ты прав, и я действительно слишком часто сравниваю тебя с собой в твоём возрасте. Однако мне хотелось бы, чтобы ты хотя бы однажды спросил себя, готов ли отказаться.

— Я уже задавал себе этот вопрос.

Ответ Арманд оказался настолько неожиданным, что Анри некоторое время молчал.

— И к какому выводу ты пришел?

— К тому, что не хочу отказываться, хотя причина, вероятно, отличается от той, которую ты мне приписываешь.

— Тогда объясни ее.

Арманд вернулся к столу и остановился напротив отца.

— Я попросил у тебя ключ не потому, что считаю его еще одной вещью, которую должен унаследовать вместе с замком. Я вижу, как ты стареешь, хотя мы оба стараемся об этом не говорить. С каждым годом я принимаю на себя все больше дел, которыми прежде занимался ты, разговариваю с управляющим вместо тебя, встречаю людей, которых раньше принимал ты, и постепенно становлюсь хозяином Монтеррана еще до того, как мне формально перешло это право. После той ночи в подземелье я понял, что существует одна обязанность, которую ты по-прежнему несешь совершенно один, потому что считаешь, что никто другой не имеет права разделить ее с тобой.

Анри хотел возразить, однако Арманд не позволил ему перебить себя.

— Возможно, я действительно не знаю настоящей цены Клятвы, потому что мне еще не приходилось платить эту цену. Но я знаю, что не хочу ждать твоей смерти, чтобы только тогда впервые почувствовать тяжесть того, что ты столько лет нес один. Если однажды мне все равно предстоит стать Хранителем, я хотел бы учиться этому рядом с тобой, пока еще могу спрашивать твоего совета и слышать твои ответы.

Эти слова заставили Анри надолго замолчать. Впервые за весь разговор он понял, что, опасаясь чрезмерной легкости, с которой сын согласился принять Клятву, мог неверно истолковать его намерения. Арманд действительно не испытывал тех сомнений, через которые когда-то прошел сам Анри, однако это еще не означало, что он относился к тайне легкомысленно. Возможно, новое поколение и не должно было повторять ошибки предыдущего, чтобы прийти к пониманию той же ответственности.

Однако Анри по-прежнему не был готов передать ключ.

— Теперь я лучше понимаю, почему ты хочешь его получить, — сказал он, — но именно потому, что ты мой сын, я обязан убедиться, что желание помочь мне не стало для тебя причиной принять обет, который останется с тобой и тогда, когда меня уже не будет рядом.

— Значит, ключ все равно останется у тебя?

— Пока останется.

Арманд невесело улыбнулся.

— Ты говоришь, что выбор должен сделать я, однако возможность сделать его все равно оставляешь за собой.

Анри почувствовал справедливость упрека, но отступить не собирался.

— Возможно, сейчас тебе кажется, что я поступаю несправедливо, и я не стану убеждать тебя в обратном. Мне остается только надеяться, что однажды ты поймешь причину моей осторожности.

— Ты говоришь именно так, как говорят отцы, когда не могут объяснить сыновьям собственные решения.

— Возможно, потому что некоторые объяснения действительно приходят только вместе с опытом, хотя в молодости мне самому подобные слова казались удобной отговоркой стариков.

Арманд невольно улыбнулся, однако напряжение между ними не исчезло.

— В таком случае я больше не стану просить у тебя ключ.

Анри удивленно посмотрел на него.

— Почему?

— Потому что хочу дождаться дня, когда ты сам решишь, что я готов его принять. Если этот день наступит, я буду знать, что получил ключ не как наследник замка, а как человек, которому ты доверил архив.

— А если я слишком долго буду сомневаться?

— Тогда мне, вероятно, придется найти способ доказать тебе, что ты ошибался, хотя я надеюсь, что для этого не понадобится новая осада Монтеррана.

Анри впервые за весь вечер улыбнулся по-настоящему.

— Я тоже на это надеюсь.

Арманд направился к двери, однако на пороге остановился и обернулся.

— Отец, я все же хочу, чтобы ты понял одну вещь. Я не считаю себя Хранителем только потому, что увидел сундуки и прочитал несколько страниц старой книги. Но если однажды мне придется выбирать, я хочу сделать этот выбор сам, а не прожить жизнь в ожидании того, когда ты решишь, что я наконец достаточно взрослый для него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.